

— Матушка, пощадите своего сына! — с кислым выражением лица взмолился Инь Юаньчэн, хватаясь за рукав Великой княгини и стараясь казаться избалованным. — Когда я вернулся, Его Величество действительно не сказал ничего, кроме этих двух слов.

Великая княгиня выглядела ещё более озадаченной.

— Тогда скажи матери: почему же Его Величество так долго не возвращается?

Император никогда не был человеком прихотливым или склонным к самовольству; если бы ничего важного не случилось, он бы точно не стал задерживаться вне дворца.

У Инь Юаньчэна екнуло сердце, и он поднял глаза на мать. По правде говоря, ещё на обратном пути в столицу он уже начал кое-что подозревать. Скорее всего, император проникся симпатией к тому негодяю Сюй Яньцину. Теперь, когда тот заболел, Его Величество переживает за него и остался в деревне семьи Сюй, чтобы ухаживать.

Однако об этом он не мог сказать матери. Император долгое время оставался безучастным, но когда, наконец, проявил чувства — сделал это с такой силой, что иначе как потрясением это не назвать. Инь Юаньчэн боялся, что мать, встревоженная, может поступить опрометчиво и навлечь на себя гнев императора.

— Матушка, такие слова нельзя говорить легкомысленно, — поспешно замахал он руками. — Раз уж Его Величество не желает, чтобы мир знал о его местонахождении, зачем вам стараться его выяснить? Это же страшное табу!

— Хорошо, хорошо, — Великая княгиня и сама понимала, что сердце её сына целиком принадлежит императору. Она нетерпеливо махнула рукой, давая понять, чтобы тот убирался подальше — начал её раздражать.

Услышав это, Инь Юаньчэн тут же поспешно ретировался. А Великая княгиня, оставшись одна, достала тайное письмо, присланное императором, и, сопоставив его содержание с нервным поведением сына, уже начала кое-что подозревать.

Однако она не стала действительно отправляться на поиски императора. Вместо этого на её благородном лице появилась едва заметная улыбка, и она приказала главной служанке отправиться на поиски человека.

Той, кого хотела пригласить Великая княгиня, была тётушка Чжао — старая служанка, многие годы прослужившая при императоре.

Когда император Яньцзюнь ещё был наследным принцем, тётушка Чжао служила в Восточном дворце. Позже, когда наследника оболгали и он едва не оказался лишён титула, она сопровождала его в даосском храме, где он провёл годы в уединении и восстановлении здоровья, подавая ему еду и ухаживая за ним.

Род тётушки Чжао происходил из семьи медиков, поэтому она не только великолепно готовила, но и знала множество рецептов для оздоровления тела, включая немало секретных придворных снадобий.

Но годы брали своё, и несколько лет назад император Яньцзюнь, не забыв её заслуг, проявил милость — отпустил её из дворца на покой, чтобы она спокойно дожила свои дни. И вот теперь, когда император попросил Великую княгиню найти кормилицу, умеющую восстанавливать здоровье, та сразу же вспомнила о тётушке Чжао.

Тётушка Чжао прибыла быстро. На самом деле она вовсе не была настолько стара, чтобы уходить «на покой» — просто император Яньцзюнь проявил заботу о верной служанке и нашёл предлог отпустить её.

— Тётушка Чжао, снова беспокою вас, — с улыбкой сказала Великая княгиня. — Его Величество велел найти кормилицу, умеющую восстанавливать силы. У меня на примете такой не нашлось, и, разумеется, я сразу подумала о вас.

Тётушка Чжао была, конечно же, счастлива вновь послужить императору. Услышав это, ей только оставалось, как можно скорее усесться в карету и отправиться к нему.

Так, всего через несколько дней тётушка Чжао прибыла в деревню семьи Сюй, где лично господин Вэнь Цзинь встретил её у ворот.

— Тётушка Чжао, вы теперь одна из нас. Вы куда лучше меня соблюдаете правила, так что лишнего говорить не стану. Просто надеюсь, что вы сможете как следует позаботиться о здоровье господина Сюя, — он подробно объяснил ей всю ситуацию, и, видя, как тётушка Чжао пребывает в лёгком оцепенении, распахнул главную дверь.

Но, как женщина, повидавшая многое, тётушка Чжао быстро взяла себя в руки и подняла взгляд на юношу, что сидел в лежачем кресле во дворе.

У юноши слегка округлился живот — по виду только начинались первые признаки беременности, — а сам он, казалось, дремал в кресле, выглядя вялым и ослабленным.

А рядом с ним сидел император — держа в руках книжицу с Тысячей иероглифов, он медленно и с чувством читал её вслух.

По правде говоря, за все годы службы тётушка Чжао чаще всего видела Его Величество с холодным и неприступным выражением лица. И лишь теперь впервые заметила в нём что-то тёплое, почти ласковое.

Этот солёный карась был немного чувствителен к посторонним взглядам. Ему показалось, что кто-то на него смотрит — и притом с явным изучающим интересом. Однако в тот момент палящее солнце разморило его тело, и ему было лениво открывать глаза. Поэтому он просто поднял руку и натянул на лицо тонкое одеяло.

Прекрасно. Теперь этот пристальный взгляд его больше не тревожил.

Тётушка Чжао поняла, что поступила невежливо, и поспешно последовала за Вэнь Цзином на кухню, где тётушка Ли как раз готовила обед. Вэнь Цзинь ожидал, что она будет недовольна тем, что он привёл ещё одного человека, но тётушка Ли схватила тётушку Чжао за руку с энтузиазмом:

— Ай-ай, сестрица Чжао, ты не представляешь, я ведь всего несколько блюд умею готовить. Всё боюсь, что Молодому господину и всем остальным они уже приелись. С твоим приходом будет только лучше!

Тётушка Чжао была женщиной сообразительной. Она сразу оттолкнула Вэнь Цзина в сторону и начала беседовать с тётушкой Ли сама. Буквально за несколько минут они уже успели найти общий язык и подружиться.

Поняв, что на кухне для него действительно нет места, Вэнь Цзинь проявил благоразумие и

тихо ускользнул.

Император Яньцзюнь отогнул тонкое одеяло с лица Молодого господина, обнажив его слегка порозовевшие от жары щёки. Затем он достал из-за пазухи охряный платок и аккуратно положил его на лицо юноше, заслоняя его от солнца.

Нежный, прохладный аромат, присущий Даосскому наставнику, заполнил всё вокруг. Полусонный Сюй Яньцин бессознательно вдохнул этот запах, затем чуть повернулся и схватил платок с лица, прижав его к груди — как бы присваивая себе.

Вот так самовольно вёл себя Молодой господин, когда дремал.

Император Яньцзюнь слегка опустил взгляд, наблюдая за послушным спящим лицом юноши, и в уголках его губ заиграла едва заметная улыбка.

Сюй Яньцин пробудился от манящего аромата, доносившегося с кухни. Тут он заметил, что сжимает в руках платок, прижав его к груди. На его лице тут же появилось замешательство. Этот платок принадлежал наставнику Сюаньчэну — в прошлый раз тот вытирал им его пот, и тогда он велел Му Ю его выстирать и вернуть... но по факту платок всё это время лежал у него в шкафу!

— Почему у меня платок Даосского наставника? — нахально спросил Сюй Яньцин, поднимая взгляд и улыбаясь наставнику, сидевшему рядом.

Император Яньцзюнь взял платок, вытер капельки пота со лба Молодого господина и небрежно спрятал его в рукав. Его взгляд был спокоен и ласков.

— Вставай. Прогуляешься немного по двору — и можно будет поесть.

Сюй Яньцин вдохнул аромат, наполнявший воздух, и не удержался от восхищения:

— Интересно, что тётушка Ли сегодня готовит — пахнет просто чудесно!

— Наверное, тётушка Чжао сварила тебе суп, — ответил император, закрывая книгу. — Вэнь Цзинь привёл сюда тётушку Чжао. Раньше она служила при мне. Она замечательно готовит. Если захочешь чего-то особенного — просто скажи ей.

Ух ты! Та, что служила при наставнике Сюаньчэне, да она же почти как придворный повар! Глаза Сюй Яньцина, как у настоящего гурмана, тут же засияли. Он даже подумал, не рвануть ли на кухню прямо сейчас и не стащить оттуда что-нибудь вкусненькое.

Император Яньцзюнь нашёл это забавным и, не удержавшись, протянул руку и ласково потрепал юношу по голове.

Сюй Яньцин и внимания не обратил — дома и отец, и мать, и братья постоянно теребили его за голову, будто кота гладили. Привычное дело.

В обед Сюй Яньцин действительно отведал суп из кукурузы и свиных рёбрышек, сваренный тётушкой Чжао. Пахло он восхитительно свежо и аппетитно. Тётушка Чжао подала ему миску с доброй улыбкой:

— В доме пока нет особо хороших продуктов, да и времени было мало. Молодой господин, прошу, пока не судите строго. Завтра с Лань Нянь съезжу в город, куплю овощей и приготовлю

вам что-нибудь вкусное.

— Очень вкусно! — с жаром воскликнул Сюй Яньцин.

— Главное, чтобы Молодому господину понравилось, — просияла тётушка Чжао. Она сварила много супа, и один Сюй Яньцин с ним не справился, так что она разлила по мискам и остальным.

Ци Чэнь даже увязался за Сюй Яньцином, рассыпаясь в похвалах тётушке Чжао — по его сияющему лицу было видно, что он тоже ещё тот обжора.

На следующий день тётушка Ли приготовила простой завтрак и оставила его в горшке под присмотром Му Ю, а сама с тётушкой Чжао села в повозку Ху Цзы и поехала в город.

Тётушка Чжао была женщиной прямой и быстро поделилась с тётушкой Ли несколькими кулинарными секретами. Не прошло и получаса, как их отношения стали ещё теплее.

Днём стояла жара и духота. Сюй Яньцин не мог долго находиться во дворе и был вынужден остаться в комнате, где занялся написанием писем отцу и матери.

Оригинальный «владелец» тела был избалован и неграмотен, поэтому его почерк был просто ужасен. Но и свой собственный почерк оставлял желать лучшего — едва-едва можно было разобрать.

Сюй Яньцин закончил описывать всё, что с ним произошло за последнее время, но всё ещё сидел, рассеянно почесывая голову и уставившись на оставшийся чистый лист бумаги.

Император Яньцзюнь легко постучал изогнутым пальцем по столу.

— О чём это ты так задумался?

Солёный карась, окончательно разбитый, развернул перед собой лист, на котором значились всего два крупных иероглифа. Его изящное личико нахмурилось.

— Отцу, матери и старшему брату нужно писать три разных письма. Теперь я наконец-то понял, что сочинительство — это тоже тяжкий труд.

Император рассмеялся:

— А почему бы тебе не отправить одно письмо на всех?

— Потому что эти трое от скуки обязательно обменяются письмами и прочтут всё друг у друга.

— Солёный карась говорил из собственного опыта. В прошлый раз он поленился и написал три письма, различавшихся лишь парой строчек. В итоге отец с матерью сразу же прислали ответ — пожурили его за халатность и потребовали писать каждому отдельное письмо да ещё и мелким почерком.

Солёный карась подпер щеку рукой и вновь пережил тот мучительный опыт из начальной школы, когда родители заставляли его вести дневник. Это было настоящее безумие.

Сюй Яньцин слегка склонил голову и бросил взгляд на даосского наставника Сюаньчэна, затем молча подполз к нему и с мольбой протянул лист бумаги.

— Наставник, может, вы мне поможете дописать это письмо?

Император Яньцзюнь взял со стола два других листа. Письма Молодого господина были написаны гладко и подробно — он буквально перечислял каждый приём пищи.

В письме к маркизу Уань описывалось всё, что он ел за последние дни, а в письме к жене маркиза — что собирается есть в ближайшие. И вот, когда дошло до письма сыну маркиза, Молодой господин просто иссяк и уже не знал, что написать.

— Молодой господин действительно хочет, чтобы я написал это письмо за него? — Император посмотрел на него, и в его взгляде была мягкость и тепло.

Солёный карась энергично закивал, про себя мечтая, чтобы наставник писал за него все будущие письма.

— Маркиз Уань и его сын — весьма способные сановники, — с лёгким смешком заметил Император.

Солёный карась нахмурился:

— И что с того?

Молодой господин выглядел растерянным и сбитым с толку. Император опустил глаза и посмотрел на него:

— Особенно маркиз. Хотя он и военный, он нередко подаёт мне доклады. Так что, без сомнения, узнает мой почерк.

Сюй Яньцин мгновенно уловил суть. Его отец ведь действительно был высокопоставленным военным при дворе — разумеется, он бы узнал почерк императора. Если дать наставнику написать письмо, не пройдет и трёх-пяти дней, как отец примчится верхом посреди ночи и лично утащит его обратно домой.

Солёный карась молча выхватил бумагу из рук наставника, взял кисточку и снова принялся чесать голову над столом, с выражением глубокой скорби на лице.

Императору это показалось забавным, но ему стало жаль юношу, поэтому он мягко сказал:

— Необязательно же описывать только, что ты ешь и пьёшь каждый день. Можно рассказать, например, про самодельные безделушки или про курятник во дворе...

Это тоже вроде дневника, но в изложении наставника всё звучало куда живее. В голове Сюй Яньцина сразу что-то щёлкнуло, и он с воодушевлением схватил кисть и начал писать.

Примерно через то время, за которое можно выпить чашку чая, он закончил, пробежался взглядом по письму сверху донизу и не смог сдержать улыбки:

— Всё-таки у меня не такой уж и плохой литературный талант!

Улыбка Молодого господина была светлой, глаза засияли — гораздо приятнее, чем прежняя унылая гримаса. Император Яньцзюнь собрал и аккуратно сложил все три письма:

— Литературный талант Молодого господина поистине выдающийся. Сюаньчэнь глубоко впечатлён.

Сюй Яньцин был толстокожим, скромничать не стал и кивнул с видом полной уверенности:

— Конечно! Мама говорила, если я буду прилежно учиться, то, может, даже сдам государственные экзамены и прослаблю семью!

Вот только солёного карася больше всего в жизни привлекали еда, веселье, отдых и сон — мысль об экзаменах в его планы никак не входила.

После того как он закончил хвастаться, Сюй Яньцин попытался встать, чтобы вернуться на своё место, но поскользнулся и полетел прямо в сторону Императора.

У Императора на лице промелькнуло изумление, но он среагировал молниеносно — обвил рукой талию юноши и притянул его прямо в объятия.

Окно в комнате было открыто, и в него врывался тёплый летний ветер, насыщенный тяжёлой духотой. Ленивый солёный карась свалился прямо в объятия даосского наставника, его голова упёрлась тому в грудь. Где-то глубоко внутри что-то дрогнуло, и когда он поднял взгляд, то встретился с глазами наставника — тот тоже смотрел прямо на него.

В глазах даосского наставника Сюаньчэна отразились тревога и удивление. В комнате повисла тишина. Сюй Яньцин даже слышал в ушах чуть сбивчивое биение сердца наставника.

Юноша не двигался, а Император Яньцзюнь не спешил его отпускать. Между ними сразу возникло какое-то странное напряжение.

Сюй Яньцин всегда был прямолинейным и открытым. Осознав, в каком положении оказался, он легко положил ладонь на грудь наставника и с улыбкой поддразнил:

— Я вас напугал, наставник? У вас сердце так быстро бьётся.

Император на мгновение задержал дыхание. Почувствовав, как тёплая ладонь юноши касается его груди, он потерял дар речи. Спустя пару секунд вновь обрел самообладание и мягко разжал объятие:

— Молодой господин, в следующий раз будьте осторожнее.

Сюй Яньцин невинно захлопал ресницами:

— Что, боитесь, что я уроню вашего ребёнка?

Император сразу понял, что юноша не имел в виду ничего лишнего — просто невинная шутка. Он не рассердился, наоборот, глядя на Сюя, с теплотой улыбнулся:

— Молодой лекарь Ци сказал, что сейчас вы гораздо важнее, чем ребёнок в вашем чреве.

Даосский наставник Сюаньчэнь был не просто красив — он был по-настоящему изящен. Когда он улыбался, это напоминало тёплый ветер, проносящийся сквозь холодную рощу бамбука — и в этом холоде вдруг рождалось нежное тепло.

—

Теперь, когда над питанием Молодого господина трудились тётушка Ли и тётушка Чжао, лицо солёного карася сияло здоровьем и свежестью. Однако с каждым днём становилось всё жарче, и лежак уже невозможно было ставить во дворе. Взаперти сидеть в комнате весь день было невыносимо скучно.

Император Яньцзюнь взглянул на юношу, который сидел у окна с тоскливым видом, и не смог сдержать улыбки:

— Молодой господин, вам скучно в доме?

Сюй Яньцин бросил на наставника пустой, полный упрёка взгляд. Разве это не очевидно? Его голубое небо солёного карася исчезло, он даже понежиться на солнце не мог. А главное — несмотря на жару, ему запретили есть лёд. Унылый солёный карась выражал глубочайшее недовольство и вёл себя так, будто с ним вообще разговаривать не стоит.

На шестом месяце беременности живот у юноши уже немного округлился, но по сравнению с женщинами на поздних сроках всё ещё выглядел небольшим.

С одной стороны, это объяснялось тем, что окружающие строго следили за его питанием и не перекармливали. С другой — у Сюя matka была расположена ближе к спине, и потому живот выглядел не слишком заметным.

Тётушка Чжао, имевшая в этом деле немалый опыт, время от времени прощупывала живот Молодого господина, пока Ци Чэнь измерял его окружность.

Ребёнок в чреве Сюя, как и сам император, был явно весьма осмысленным созданием. Тётушка Чжао уже много раз пыталась уловить его шевеления — безуспешно. Зато стоило императору коснуться живота, как этот маленький боб сразу оживал и начинал активно двигаться.

Ци Чэнь даже в шутку говорил, что ребёнок узнаёт людей и, похоже, особенно радуется отцу.

Услышав это, Вэнь Цзинь был так тронут, что чуть не расплакался от счастья прямо на месте.

За последние дни жара усилилась, и аппетит Сюя стал хуже. Тётушки Чжао и Ли ломали головы, придумывая, как его порадовать свежими и лёгкими блюдами.

Но унылый солёный карась всё мечтал о чашке льда с фруктами. Тётушка Чжао, скрепя сердце, дала ему немного, но в ту же ночь юноша простудился и начал покашливать. Чжао почувствовала себя ужасно виноватой.

С тех пор она больше ни за что не позволяла Молодому господину есть лёд. В лучшем случае — немного фруктов, чуть охлаждённых, да и то только после того, как холод успевал рассеяться.

Сюй Яньцин лишился своей прежней блаженной жизни: он больше не мог валяться на солнышке, как солёный карась, и есть лёд ему тоже было нельзя. Он чувствовал, что дни солёного карася закончились, и тут же впал в уныние.

Все вокруг, заметив, как сильно испортилось его настроение, пришли в тревогу. Но, вспоминая шестимесячного малыша-боба, никто не решался нарушить запрет. Оставалось только искать способы, как бы развлечь Молодого господина.

— Постройте виноградную беседку во дворе и перенесите туда лежак Молодого господина, — нахмурившись, велел Император Яньцзюнь. Вэнь Цзинь тут же кивнул, получил приказ и пошёл искать людей, чтобы приступить к делу.

—

На следующее утро, после завтрака, Сюй Яньцин лениво устроился в лежаке, тупо глядя в одну

точку. В последнее время с ним происходило что-то странное: даже лёжа он не мог уснуть, сколько бы ни ворочался.

Унылый солёный карась не мог понять, в чём дело, и в конце концов приписал всё к отсутствию заветной ледяной чашки — вот от этого и тоскливо ему стало.

Затем Сюй Яньцин начал задумываться о себе. С тех пор как два месяца назад появился даосский наставник Сюаньчэнь, он будто стал всё капризнее, даже по еде устраивал маленькие истерики. Это ведь действительно нехорошо.

Унылый солёный карась осудил сам себя.

Но осуждения было недостаточно — требовалось действовать. Поэтому, когда даосский наставник вновь заглянул к нему, он увидел Молодого господина в неожиданно трудолюбивом состоянии. Тот не просто сидел за столом и помогал растирать тушь, но даже наливал чай и подавал воду, чем и впрямь изрядно озадачил и тронул императора.

Ведь в представлении Императора Яньцзюня Молодой господин чаще всего валялся в шезлонге, и если уж удостаивал его вниманием или присаживался рядом поговорить — это уже считалось чудом.

Поэтому он поднял глаза и с лёгкой озадаченностью посмотрел на юношу, который теперь скучал, подперев щеку рукой:

— Молодой господин, есть ли у вас сегодня желание что-нибудь сделать?

Солёный карась помотал головой. Ему уже и ледяных чашек не хотелось.

В какой-то момент снаружи послышался звонкий грохот, но солёный карась и ухом не повёл — как лежал, так и остался, совершенно равнодушный к происходящему.

Хотя, признаем, поза была не самой удобной, и он лениво поднялся, сел обратно.

Император, будто что-то вспомнив, достал из-под стола несколько книжек и передал их Молодому господину:

— Вчера Вэнь Цзинь принёс коробку рассказов. Молодой господин может почитать от скуки.

Едва услышал про рассказы — унылый солёный карась мгновенно оживился. Всё же те книжки, что принёс Ци Чэнь, он перечитал вдоль и поперёк и уже мог пересказывать их задом наперёд.

Вэнь Цзинь нашёл целую коробку с историями. Император, перелистав их мельком, с лёгкой гримасой обнаружил среди них немало пикантных. Он тут же метнул в сторону Вэнь Цзиня холодный взгляд.

Вэнь Цзинь лишь хмыкнул с улыбкой и объяснил:

— Этот слуга специально спрашивал у Молодого лекаря Ци. С большим трудом вытянул из него, что Молодой господин любит. Старался, как мог.

Короче говоря, Молодой господин Сюй был человеком своеобразным. Ему не по нраву были «приличные» истории — нравились как раз те, что «вольны и с выдумкой».

Император Яньцзюнь, хоть и выглядел невозмутимым, но в глубине души уже не знал, смеяться ему или вздыхать. В конце концов, он выбрал несколько книг и отправился отнести их юноше в комнату. Но когда пришёл, тот уже мирно спал, и книги временно оставили под столом.

Теперь Сюй Яньцин бегло пролистал обложки. Судя по названиям, большинство были детективами, только одна явно носила более... фривольный характер — о тесте и его овдовевшей невестке.

— Вэнь Цзинь долго старался, чтобы собрать эти книги. Молодой господин доволен? — с прищуром спросил Император.

Сюй Яньцин inwardly цокнул языком. Вот та последняя — это как раз его стиль! Да и остальные вполне ничего. Но, бросив взгляд на высокого, возвышенного и безупречно спокойного наставника Сюаньчэна, юноша всё же решил изобразить скромность:

— Хотя некоторые из этих книг слегка... развязны, я всё равно благодарю наставника Сюаньчэна и Вэнь Цзиня за хлопоты.

Однако его взгляд на ту самую «развязную» книгу был откровенно горящий, куда теплее, чем на прочие. И пусть он делал вид, что сдержан, но глаза всё выдали с головой.

Император Яньцзюнь вдруг ощутил странное, редкое для себя желание подразнить юношу. Он медленно потянулся к книге:

— Раз уж эта история не пришлась Молодому господину по вкусу, то, может, мне стоит поискать другую?

Сюй Яньцин среагировал мгновенно, мгновенно притянув книгу к себе в объятия, и на его лице расцвела искренняя, яркая улыбка:

— Нет-нет, наставник, не утруждайтесь! Я вовсе не привередливый!

С этими словами он вскочил, прижав книгу к груди, и поспешил устроиться с ней в шезлонге. С точки зрения Императора, он держал обычную детективную историю, но если присмотреться, то положение книги было... подозрительным.

Скорее всего, тот самый «развязный» рассказ был аккуратно спрятан внутрь. И вся эта борьба между сдержанностью и тайными желаниями читалась, как на ладони.

<http://bllate.org/book/12638/1120943>